

ПОГРЕБНАЯ Яна Всеволодовна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры литературы и методики ее преподавания,
Ставропольский государственный педагогический институт
(Россия, Ставрополь)

**ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РОМАНА Ю. Г. СЛЕПУХИНА «НИЧЕГО КРОМЕ НАДЕЖДЫ»
И РОМАНА ДЖ. ЛИТТЕЛЛА «БЛАГОВОЛИТЕЛЬНИЦЫ»**

Аннотация: В статье представлено компаративистское описание реалистического романа Ю. Г. Слепухина «Ничего кроме надежды» и модернистского романа Дж. Литтелла «Благоволиительницы». Типологический анализ романов осуществляется путем выделения содержательно и идеологически сходных эпизодов, которые направлены на утверждение гуманистической позиции обоих писателей.

Ключевые слова: роман, компаративистика, идеология, типология, гуманизм.

Annotation: A comparative description of the realistic novel by Yu. G. Slepukhin 'Nothing but Hope' and the modernist novel by J. Littell 'Les Bienveillantes' ('Benevolent') is presented in the article. These novels' typological analysis is carried out by means of allocation of the episodes similar from informative and ideological points of view which firmly establish the humanistic position of both writers.

Keywords: novel, comparative studies, ideology, typology, humanism.

Художественные произведения Юрия Григорьевича Слепухина (1926–1998) только в XXI веке стали доступны читателям, критикам и литературоведам в полном объеме благодаря изданию «Избранного» писателя в пяти томах Фондом его имени¹. Осознанию значения наследия Ю. Г. Слепухина способствовала и публикация его статей и

¹ См.: Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. СПб.: Ладога; Фонд Слепухина, 2005–2011. Фонд Юрия Слепухина «Лучшие книги – библиотекам» зарегистрирован 15 окт. 2003. См.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yslepukhin.ru/> (дата обращения 01.09.2020).

писем в сборнике по итогам научной конференции, посвященной 85-летию писателя, состоявшейся в марте 2012 в Институте русской литературы (Пушкинский Дом)². Расширяют возможности всестороннего изучения наследия писателя, а также способствуют определению его роли в истории отечественной литературы и «Слепухинские чтения» — международные научные конференции, проходящие в Санкт-Петербурге и Ленинградской области с периодичностью 1 раз в 2 года; первая состоялась в 2014. По итогам чтений выпускаются сборники трудов, содержащие исследования о Ю. Г. Слепухине и его творчестве³.

Вполне закономерно, что в изучении творчества писателя-репатрианта одним из доминирующих направлений выступает поиск художественной идентичности писателя, как в контексте истории литературы Русского Зарубежья, так и в процессе исторического и художественного развития отечественной литературы второй половины XX века. В настоящее время чрезвычайно интенсивно и плодотворно развивается исследование поэтики романов и повестей Ю. Г. Слепухина. Так, М. Е. Бабичева показывает художественную разработку проблем войны и мира как конструктивных идейно-тематических комплексов в тетралогии писателя⁴. Идентифицируя в качестве идеологически и эстетически значимого образ дороги⁵, Е. В. Мельникова выделяет ведущие мотивы, сообщающие худо-

² См.: Очерки, статьи, и выступления Юрия Слепухина разных лет // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество: сб. ст. и материалов. СПб.: Фонд Слепухина; Ладога, 2012. С. 379–470; *Слепухин Ю. Письма Д. Б. Чомакову (1991–1998 гг.)* // Там же. С. 471–481.

³ См.: Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения–2014: тр. Международ. науч. конф. СПб.: Фонд Слепухина. 2015; Зарубежная Россия. XX век: Слепухинские чтения–2016: тр. Международ. науч. конф. СПб.: Фонд Слепухина; Ладога, 2018.

⁴ См.: *Бабичева М. Е. Война и мир XX столетия: тетралогия Ю. Г. Слепухина: романы «Перекресток» (1962), «Тьма в полдень» (1968), «Сладостно и почетно» (1985), «Ничего кроме надежды» (2000)* // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество... С. 252–272.

⁵ См.: *Мельникова Е. В. Перекресток как образ дороги и символ выбора (на материале романа Ю. Г. Слепухина «Перекресток»)* // *Филология и литературоведение*. 2016. № 1. С. 3–6.

жественную целостность тетралогии Ю. Г. Слепухина⁶. Автор настоящей статьи анализирует жанровую специфику романов Слепухина⁷, определяемую содержательным обновлением жанров, которое открывает возможности для читательского сотворчества, поскольку «отсутствие тенденциозности и заданности <...> делает романы Ю. Слепухина “романами-открытиями”, открытыми для свободных, а не смоделированных интерпретаций»⁸. На безусловную взаимосвязь тетралогии Слепухина не только с произведениями писателей Второй волны эмиграции, но и на развитие и даже предвосхищение тенденций «изображения войны, присущих прозе В. Гроссмана, В. Быкова, К. Воробьева,» указал В. В. Агеносов⁹. Развивая собственные наблюдения, исследователь представил на Слепухинских чтениях–2016 доклад, в котором поделился результатами сравнительного анализа романа Слепухина «Тьма в полдень» и первой романтической редакции романа Александра Фадеева «Молодая гвардия», придя к выводу, что «Ю. Слепухин дал гораздо более глубокую, многогранную и реалистичную картину деятельности молодежного подполья»¹⁰.

Между тем для писателя-эмигранта и репатрианта в значительно большей степени, чем для его однозначно идентифицированных с точки зрения гражданской принадлежности соотечественников, актуален типологический анализ произведений в более широком контексте. Длина контекста, в данном случае, определяется уникальным положением писателя-эмигранта, не принадлежащего в полной мере ни

---

⁶ См.: Мельникова Е. В. Ведущие мотивы романов Ю. Г. Слепухина, определяющие циклическое единство тетралогии // Новая наука: теорет. и практ. взгляд. 2016. № 1–2. С. 74–78.

⁷ См.: Погребная Я. В. Взросление как нравственная проблема в «молодежном романе» Юрия Слепухина «Киммерийское лето» // Развитие системы педагогического образования в современной России: антрополог. аспект: материалы XI Международ. науч.-практ. конф. (26–27 июня 2015 г.) / под ред. Л. Л. Редько и др.. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2015. С. 372– 378.

⁸ Там же. С. 373.

⁹ См.: Агеносов В. В. Война в произведениях писателей Ди-Пи и второй эмиграции // Эмигранты и репатрианты XX века... С. 60–77.

¹⁰ Там же. С. 62.

миру оставленного Отечества, ни новой стране, которая может стать, а может и не стать его второй родиной, причем статус динамики этой страны определяется позицией самого писателя, а не идеологической повесткой. Характеризуя мировоззренческую уникальность писателей-младоземigrants, Ю. В. Матвеева указывает именно на эту свободу, на их способность «в отличие от старших эмигрантов одинаково спокойно и свободно смотреть как на Восток, так и на Запад»¹¹. Само политическое положение писателя-эмигранта на границе между двумя мирами, его роль медиатора по отношению к самой этой границе, его способность в силу уникальности своей позиции видеть исторические и социальные явления более объемно, возможность, в силу отсутствия идеологических ограничений, предлагать разные версии событий, осмысливать различные точки зрения на их причины и последствия, само особое положение писателя-эмигранта и репатрианта предполагает возможность и актуализирует необходимость рассматривать его творчество в контексте развития не только отечественной, но и мировой литературы. Вторая причина возможности расширения контекста коренится в общемировом масштабе событий, к которым обращается в тетралогии Ю. Г. Слепухин. Писатель предлагает свою версию исторического романа, с документальной точностью воссоздавая события Второй мировой войны, не подвергая их художественной интерпретации (на фактическую точность военной тетралогии Слепухина обратил внимание Б. Н. Ковалев¹²). Гуманистическая позиция писателя в сочетании с исторической и фактической точностью обеспечивает эффект достоверности происходящего в его романах, поскольку Слепухину интересен человек на войне, его моральное и психологическое состояние, нравственная эволюция или деградация. Уникальность романов писателя состоит в том, что он обобщает собственный исторический и этический опыт: его романная тетралогия релевантна по отноше-

¹¹ Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземigrants. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 73.

¹² См.: Ковалев Б. Н. Сравнительный анализ описания нацистской оккупации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по архивным источникам и по роману Юрия Слепухина «Тьма в полдень» (1968) // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество... С. 284–300.

нию к интертексту. Именно поэтому чрезвычайно интересен и плодотворен сравнительно-типологический анализ тетралогии Слепухина, направленный на установление типологических аналогий с современными зарубежными романами, авторы которых обращаются к тем же событиям.

Модернистский роман Джонатана Литтелла (США, Франция) «Благоволительницы» (2006, рус. пер. 2014) о событиях Второй мировой войны и падении Берлина написан представителем послевоенного поколения. Своеобразие творческого решения Дж. Литтелла (р. 1967) состоит в том, что он помещает вымышленного героя в детально и точно воссозданные обстоятельства — события Великой Отечественной войны на юге СССР. Необходимо учесть огромный интерес автора к России, русской литературе, его владение русским языком и путешествия по нашей стране в 2001–2002 с целью сбора материала для романа. Нужно принять во внимание и то обстоятельство, что роман «Благоволительницы» является синтетическим не только вследствие синтеза документальной и художественной прозы, но и с точки зрения включения постмодернистских художественных приемов в ткань реалистического повествования, равно как и энциклопедичности интертекста романа, включающего аллюзии из античной трагедии, мифов об Оресте и фильмов Л. Висконти «Гибель богов» (1969) и П. Пазолини «Сало, или 120 дней Содомы» (1975) (предположительно из-за которого режиссер был зверски убит в 1975, не исключено, что неонацистами), о феномене нацизма и его античеловеческой сущности.

Роман Дж. Литтелла энциклопедичен, интертекстуальное поле романа колоссально. Ж. Нива указывает, что Достоевский узнаваем в романе «до подробностей»¹³, а В. С. Парсамов, идентифицирующий главного героя романа как новую ипостась Ставрогина из романа «Бесы», подчеркивает, что «насыщенность романа (нельзя роман, написанный американцем по-французски, называть однозначно французским) цитатами из русской классики буквально бросается в

¹³ Нива Ж. Эринии Литтелла — судьи или подсудимые? // Иностранная литература. 2008. № 12. С. 214.

глаза»¹⁴. Интертекстность романа Литтелла выступает конструктивным художественным приемом, позволяющим достичь глобальности обобщения: она направлена, в первую очередь, как на разоблачение нацизма и его идеологии, так и на развенчание позиции героя, который ищет в нацизме спасения от собственных комплексов, от необходимости раскаяния, от осознания собственного несовершенства и необходимости его преодоления.

При всей различности построения романов, обусловленной их хронологической отдаленностью, реалистической интерпретацией событий в прозрачном тексте Юрия Слепухина, с одной стороны, и их модернистским, символическим прочтением в романе-цитате Дж. Литтелла, с другой, деятельная гуманистическая позиция обоих писателей, придерживающихся исторической документальной точности в воссоздании военных событий, их антропоцентризм как творческая и идеологическая установка приводят к сходным обобщениям как в оценке событий, так и в художественном анализе их влияния на человека (героя произведения), их участника.

В заключительном романе «военной» тетралогии Ю. Г. Слепухина «Ничего кроме надежды» центральным событием последней, третьей части романа выступает взятие Берлина. Подготовка к штурму описана в шестой главе. В следующей же показан не сам штурм Берлина: писатель переносит внимание на другого героя, разрабатывая сюжетную линию Сергея Дежнева, который еще 8 мая не знает точно, капитулировала ли Германия: Москва молчит. Развитие событий и структура повествования в шестой главе романа Юрия Слепухина строятся таким образом, чтобы сформировать у читателя ожидание описания боя в седьмой главе. Однако именно эти события — решающую битву за Берлин — в военном романе Слепухин не описывает. Автор показывает читателю последствия битвы, освобождение Тани, ее встречу с Сергеем, трагическую судьбу Людмилы Земцевой, за которую даже генерал Николаев не отваживается поручиться, арест Кирилла Болховитинова, возвращение Тани в Энск,

¹⁴ Парсамов В. С. Николай Ставрогин: его «предки» и «потомки» // Исторический вестник. 2013. Т. 4. [№] 151. С. 194.

арест отца Ирины Лисиченко, который был связан с комсомольским подпольем (доказательств, его оправдывающих, не осталось).

Битва за Берлин показана в романе не хронологически, не событийно, а через рассуждения о ней генерала Николаева. Генерал рассуждает о предстоящей битве и как военный стратег и как человек гуманистических убеждений. Эта двойная оценка предстоящего штурма с точки зрения писателя важнее, чем собственно художественное описание битвы. Слепухин противопоставляет штурм Берлина сражению на Курской дуге, которое нашло непосредственное событийное воплощение в тетралогии. Курская битва была оправдана и стратегически, и нравственно, а вот штурм Берлина через своего героя генерала Николаева писатель показывает, как столкновение маршальских амбиций, как результат некоего соглашения: американцы практически без боев дошли до Берлина с запада и остановились. «Почему? — рассуждает Николаев. — Была, значит, соответствующая договоренность на высшем уровне?»¹⁵. Командарм догадывается, что «вокруг Берлина затевается какая-то нечистая игра». Стратегически разумно на Эльбе соединиться с американцами, расцезь фронт противника надвое и заставить прекратить дальнейшее сопротивление («Как раз в чисто военном аспекте такое решение было бы самым верным: вынужденный обороняться против нас под Зееловом и против американцев под Бранденбургом, берлинский гарнизон попросту растаял бы, сдаваясь в плен союзникам...»¹⁶, — размышляет генерал как военный стратег), нравственно правильным решением выступает необходимость побережь человеческие жизни солдат, которые дошли до Берлина, которые уже победили, смерть которых в последние дни войны будет чудовищной несправедливостью. Николаев вспоминает солдат, которых видел накануне звонка маршала и думает: «А теперь, значит, их всех напоследок в мясорубку — и баяниста, и мальчонку в каске, и того, что по-крестьянски сосредоточенно хлебал из котелка, примостив его в коленях, и многих, многих других. Всех, кто могли бы вернуться

¹⁵ Слепухин Ю. Ничего кроме надежды // *Он же*. Избранное: [в 5 т.]. СПб.: Ладога; Фонд Слепухина, 2005–2011. Т. 2. С. 889.

¹⁶ Там же. С. 889.

домой, но теперь не вернутся, потому что Конев не хочет делиться славой с Жуковым, а Сталин — с Эйзенхауэром, и поэтому эндшпиль решено разыграть самым испытанным из всех возможных способов: чтобы побольше крови. Просто, надежно, а главное — освящено, так сказать, традицией...»¹⁷.

Генерал, как профессиональный военный, командир и стратег, прошедший всю войну, отлично понимает, насколько значительными будут потери, даже приблизительно может представить цифры: «Концентрический штурм “логова” обернется кровопусканием, какого не было со времени Курской битвы, — там ведь собрана последняя элита вермахта и СС — в окружении они будут драться до конца, как смертники.<...> Зато мы окажемся первыми и единственными, зато к Первому мая будет чем порадовать советских людей, шарахнув над Кремлем какой-нибудь не виданный доселе салют и разослав по стране лишнюю сотню тысяч похоронок...»¹⁸. Те же невысказанные мысли посещают не только Николаева: генерал сразу же передает начштаба приказ главнокомандующего «проломить южный фас берлинской обороны»¹⁹, и начштаба начинает было обсуждать, насколько стратегически разумно такое решение, но Николаев его прерывает: «...еще неразумнее обсуждать решения Ставки»²⁰. Как опытный военный командир Николаев стремится точно выполнить приказ, как человек он продолжает рассуждать о стратегической целесообразности и нравственной оправданности штурма и, наконец, накануне битвы за Берлин приходит к выводу: «Безумное, преступное дело этот штурм. Хотя, наверное, все тут закономерно. Вся война была настолько преступной и безумной, что и не могла завершиться ничем иным. Как чума, заразительны безумство и преступление, и этого тоже, видно, было не избежать. Такое время! Если применить старые критерии — обе стороны оказались зачумленными, каждая в своем роде. Те, кто руководил войной, все в конечном счете сравнялись в бесчеловечной жестокости, просто одни зверствовали

---

¹⁷ Там же. С. 888.

¹⁸ Там же. С. 889.

¹⁹ Там же. С. 889.

²⁰ Там же. С. 889.

над чужими народами, а другие — над своим собственным; кому что по душе»²¹.

В романе о войне итог войны подводится интеллектуально-нравственный, гуманистический, анехронологически событийный, фактически завершение войны показано как ожидание штурма Берлина, а не как документально воссозданная цепь событий, более того — в начале следующей главы сохраняется неопределенность относительно того, когда и как война завершилась; в этом оригинальность художественного решения Ю. Слепухина. Очевидно, что война завершится тогда, когда изменится внутреннее состояние ее участников, когда они перейдут от ненависти и подозрительности к доверию, от разрушения и уничтожения к созиданию. Шестая глава третьей, заключительной части романа, в которой показано завершение войны, приобретает статус смыслового и композиционного центра повествования: все события, обрамляющие рассуждения генерала Николаева о штурме Берлина, приобретают особое значение, выделены притяжением к этим рассуждениям.

Собственно столкновение с противником в этой главе одно: с пленной шестнадцатилетней девушкой Эрикой Фишер, которую арестовали как предполагаемого члена «Вервольф»²². Генерал Николаев видит в ней не опасного врага, а девчонку, «взъерошенную, перепуганную, пытающуюся скрыть страх за этими своими “хайль Гитлер” и “мы вам еще покажем”»²³. Назначенный сопровождать девушку на дознание пожилой солдат Еремеев сомневается и в ее принадлежности к «Вервольф», генералу он осмеливается сказать: «Только сомнительно мне, точно ли она эта самая... ну, диверсантка. Девчонка совсем еще сопливая, глаза перепуганные...»²⁴. Николаев

²¹ Слепухин Ю. Ничего кроме надежды. С. 904.

²² Партизанские части СС, созданные в сентябре 1944, задачей которых была подрывная и разведывательная деятельность в тылу наступающих войск союзников. Отряды «Вервольф» набирались из военнослужащих СС, но к участию привлекались также подростки и пожилые люди. Об Эрике Фишер в романе Ю. Слепухина сказано: «Никаким членом “Вервольфа” она не была, девушек в эту организацию не принимали...» (Там же. С. 893).

²³ Там же. С. 884.

²⁴ Там же. С. 897.

стремится пробудить в девушке чувство справедливости, заставить ее задуматься о том, правильно ли мобилизовывать подростков, «которых твой обожаемый фюрер посылает на смерть — за неимением более подходящего пушечного мяса»²⁵. Старый солдат Еремеев и вовсе жалеет девчонку, хочет накормить ее горячими щами с куском мяса перед тем, как конвоировать в город на дознание. Генерал Николаев, глядя на испуганную пленную девушку, вспоминает о своей племяннице Татьяне, Еремееву Эрика чем-то напоминает одну из его пятерых дочерей — Маняшку, старый солдат так и обращается к ней — «дочка»²⁶.

Только оба: и генерал, и бывалый пятидесятишестилетний солдат — ошибаются: Эрика никому не верит и никому не доверяет. Ее внутреннее состояние охарактеризовано так: «У нее в душе вообще уже не осталось ничего, кроме отчаянья — и ненависти. Ненависти к русским, которые убили папу (а он еще жалел их там, в лагере!), которые убили маму с Марихен, ненависти к американцам, которые сожгли их дом и заставили приехать сюда, а больше всего — ненависти к своим же немцам, трусам, пораженцам и дезертирам, проигравшим так хорошо начатую фюрером войну...»²⁷ Эрика — жертва нацистской пропаганды, которая неустанно рассказывала о реальных и вымышленных зверствах большевиков.; она честно отвечает Николаеву, что состоит в Союзе германских девушек²⁸, а в этой организации ее очень хорошо просветили: «Русские подвергают пленных пыткам, а для женщин придумывают самые страшные, с восточной изощренностью; руководительница местной организации БДМ рассказывала об этом девушкам очень подробно, показывала фотографии, от которых делалось нехорошо...»²⁹ Эрика игнорирует

---

²⁵ Там же. С. 883.

²⁶ Там же. С. 899.

²⁷ Там же. С. 893.

²⁸ Союз германских девушек (Bund Deutscher Mädel, сокращенно BDM) — женская молодежная организация в нацистской Германии, молодежное и детское женское движение в составе Гитлерюгенд, куда входили немецкие девушки в возрасте от 14 до 18 лет.

²⁹ Там же. С. 896.

факты: ее изнасиловал накануне плена не советский солдат, а немецкий — пьяный дезертир из учебно-танковой дивизии «Богемия», все несчастья, которые обрушились на ее семью, следствие не нападения СССР на ее страну, а напротив — нападения нацистской Германии на страны Европы и на СССР. Но Эрика продолжает считать, что войну фюрер начал правильно, что он безупречен, а подвели его командиры и армия. Немецкий солдат, который поначалу берет ее сопровождать, называет фюрера «сволочью Адольфом, который засадил нас в дерьмо по самые уши»³⁰, и только усталость препятствует тому, чтобы Эрика пламенно возразила. Эрика ни минуты не сомневается в правдивости пропаганды, утрачивает способность анализировать и критически оценивать события, поэтому, продолжая верить в то, что дело фюрера правое, а русские — звери и низшая раса, она подбывает последней гранатой себя и старого русского солдата Еремеева.

Эпизод с Эрикой идеологически чрезвычайно значим: он с максимально возможной наглядностью показывает гибельность пропаганды ненависти, ее античеловеческий, разрушительный, растлевающий характер. То, что жертвой Эрики становится старый солдат Еремеев, ни минуты не желавший ей зла, особенно значимо. Слепухин максимально приближает к читателю бывалого солдата, рассказывая о его семье, о его довоенной жизни, приводя его прозвище «папаша», которое он, очевидно благодаря заботе и отеческому вниманию к товарищам, заслужил среди солдат. Перед тем как конвоировать Эрику, Еремеев надевает две медали: «За оборону Сталинграда» и «За отвагу», — но вспоминает в конце войны не о своих подвигах, а о доме, о жене и пяти дочерях, которые, он уверен, уже не останутся сиротами. Душу и разум мудрого крестьянина, вынужденного защищать Родину, пропаганда не разрушила, а вот юной неопытной Эрикой — полностью овладела. В этом состоит еще одно страшное преступление нацистского тоталитарного режима перед своим народом.

Сходный эпизод показывает в романе «Благовоительницы» Дж. Литтелл: двух немецких офицеров и водителя берут в плен дети, объединившиеся в карательный отряд, вооруженный винтовками

³⁰ Слепухин Ю. Ничего кроме надежды. С. 895.

и сельскохозяйственным инвентарем. Это стихийное объединение примерно шестидесяти детей от шести до тринадцати лет, не имеющих отношения к «Вервольф», но уверенных, что они имеют право карать и наказывать во имя фюрера и его великих идей. Офицеров дети обвиняют в дезертирстве, один из них — Томас, сразу оценивший серьезность положения, выдвигает правдоподобные оправдания³¹. Старый водитель Пионтек, который видит перед собой не карателей, а брошенных осиротевших детей (кем они в действительности и являются), пытается остановить Томаса, считая, что одичавшим деткам нужна хорошая трепка. Тогда дети безжалостно забивают его насмерть дубинками и лопатами, их не останавливают ни крики Пионтека, ни его выбитый глаз. Дети «продолжают бить, пока голова Пионтека не превратилась в кровавое месиво»³². Поиск и убийство дезертиров и диверсии в тылу союзников детьми воспринимаются, как увлекательная и опасная игра: для «связи» они используют рацию из консервных банок и ни минуты не сомневаются, что по этой рации Томас связался с самим фюрером.

Одичавшие дети нападают на русских и безжалостно убивают их, прикидываясь порой несчастными голодными сиротами, которые просят хлеба. Герой-рассказчик описывает, «как семилетний малыш вскарабкался на спину русскому и воткнул ему в глаз длинный гвоздь»³³. Жестокость в этой стае озверевших человеческих детенышей — норма отношения к врагам, к взрослым и к друг другу: раненных во время стычек детей безжалостно убивают, девочек бьют и бесконечно насилуют. Младшие дети уже утратили человеческую речь, «дети постарше едва говорили по-немецки»³⁴. «Хотя, по крайней мере, до прошлого года, все они ходили в школу, от воспитания не осталось и следа, кроме непоколебимой убежденности в принадлежности к высшей расе», — делится наблюдениями герой-

³¹ Литтелл Дж. Благоволительницы: роман / [пер. И. Мельниковой под ред. И. Томашевской]. М.: AdMarginem, 2014. С. 750.

³² Там же. С. 750.

³³ Там же. С. 751.

³⁴ Там же. С. 751.

рассказчик³⁵. Эта убежденность сообщает право на убийство и на преступление. Неудивительно, что дети извлекли из нацистской пропаганды самые удобные для них и облегчающие им выживание идеи. Но именно эта убежденность в праве на уничтожение всех тех, кого можно считать представителями низших рас, или тех, кто предал идеалы нацизма, объединяет озверевших детей и главного героя романа — интеллектуала и даже в некотором смысле свободомыслящего либерала Ауэ. Он, как офицер СД, руководит расстрелами евреев на Украине и на Кавказе, и в минуты сомнений ищет опоры в пропаганде, находя подтверждения правильности своих действий и их оправдание. Зверства одичавших, озверевших детей, которые уверены, что продолжают служить фюреру, которые свои зверства расценивают как боевое задание, как карательную и диверсионную деятельность в тылу врага, то есть необходимую фюреру и нацизму и поощряемую режимом («У нас свои задачи», — говорит предводитель³⁶), есть гротескное отражение деятельности главного героя во время массовых расстрелов и инспекции лагерей.

Стаю озверевших детей герои романа встречают накануне падения рейха, когда со стороны нацистов тоже подводятся итоги войны. В этом смысловом контексте встреча с управляемым тоталитарно объединением человеческих существ (авторитет предводителя группы и самого сильного в ней подростка был непререкаем), в котором действует только один закон — торжества силы, концептуально значима для демонстрации внутреннего механизма устройства нацистского режима. Стая одичавших детей, сражающихся для добычи и из-за добычи, выступает отражением в миниатюре системы отношений в нацистском государстве. Имя предводителя — Адам (его же носит и вся группа) — выбрано как глубоко символично: имя первого человека принимают последователи культа сверхчеловека, идеологии, утверждающей право избранной расы на особое место в мироздании. Проекция этих идей на стаю озверевших человеческих детенышей показывает, что на самом деле следование этим идеям ведет к деградации и к утрате человеческого облика.

³⁵ Литтелл Дж. Благоволительницы... С. 751.

³⁶ Там же. С. 752.

Дети напоминают рассказчику «примитивное племя», но их поведение, ссоры из-за добычи, нечеловеческая жестокость, утрата способности к членораздельной речи делают их скорее похожими на стаю животных, вне и внутри которой идет постоянная борьба за выживание. Рассказчику кажется, что Адам убивает всех взрослых, которых встречает, из инстинктивного животного страха быть побежденным или смещенным кем-то более сильным.

Дж. Литтелл подчеркивает, как недалеко от жестоких игр одичавших детей ушли взрослые нацистские офицеры: Томас не только принимает правила игры, но и звонит по консервной банке фюреру и даже передает трубку Адаму, а тот безоговорочно уверен, что говорил с самим Гитлером, подтвердившим особую миссию захваченных в плен офицеров. Томаса и Ауэ дети, в отличие от других встреченных ими взрослых, как русских, так и немцев-дезертиров или отставших от своих частей во время отступления, — не убивают, очевидно ощутив глубокое внутреннее родство с ними.

Завершает роман Дж. Литтелла описание битвы за Берлин, но писатель, так же, как и Ю. Слепухин, не показывает собственно военных действий. Он подводит свой нравственный итог войны, окончательно развенчивая нацистскую идеологию: фюрер награждает отличившихся офицеров, которые до последнего обороняли рейх. Во время награждения Ауэ совершает безумный поступок: он вцепляется зубами в огромный нос Гитлера. Выходка выглядит как шалость избалованного ребенка, недопустимая для взрослого человека, невозможная во взрослом возрасте. Безумная с точки зрения цивилизованного взрослого мира выходка абсолютно конгениальна миру культа силы и основанного на ней превосходства, который демонстрировали одичавшие дети. Фактически герой затевает драку, чтобы проверить силу предводителя. Возможность такого прочтения этой сцены подкреплена двумя обстоятельствами: героя-рассказчика потрясли маленький рост фюрера, фуражка которого едва доставала до уровня глаз героя, отнюдь не гиганта, и «тошнотворное, смрадное дыхание» фюрера³⁷ — претензии на роль сильнейшего и предводителя не подкрепляются его внешним видом. Ауэ не выдерживает смрадного дыхания

³⁷ Там же. С. 793.

фюрера, то есть распознавание жоака подчиняется животным инстинктам, определяется по запаху, росту, силе. Герой устраивает ему проверку по критериям подросткового объединения: рост, сила, обаяние должны обеспечить высокое положение; если претендент этим не обладает, ему нужно устроить проверку — укусить за нос, например. Показательно, что с точки зрения подростковых правил фюрер терпит фиаско, признает свою слабость, он только вопит, а не сопротивляется унижению; на его защиту бросаются приближенные и охрана: Борман уводит фюрера, а Мюллер требует допросить Ауэ. Упрощенная концепция мироздания, в которой прав сильнейший, а понятия ответственности не существует, превращает вовлеченных в ее орбиту людей в вечных детей, которые не способны стать по-настоящему взрослыми, готовыми отвечать за свои поступки, но способны творить чудовищное зло, опираясь на незыблемые правила тоталитарной системы, частью которой они являются.

Важно то обстоятельство, что тоталитарной системе выгодно препятствовать взрослению, поэтому пропаганда ведется таким образом, чтобы сделать из людей вечных легковверных детей, не отдающих себе отчета в ценности жизни и не понимающих, что значит отвечать за поступки. От этих имеющих разрушительные последствия качеств не свободна и пропаганда советская. На эту пропагандистскую преступную недалекновидность обращает внимание и герой-философ в романе Ю. Г. Слепухина «Ничего кроме надежды» артиллерист Игнатев: «Если человека действительно научить ненавидеть — хотя бы это была и оправданная ненависть, пойми, — не знаю, сможет ли этот человек когда-нибудь вернуться к нормальному душевному состоянию. Есть болезни, которые бесследно не проходят, — вроде бы и выздоровел, а какой-то внутренний надлом в организме остался и рано или поздно обязательно проявится. А наш народ ненавидеть научился, в целом пропаганда действует — и чем грубее, чем примитивнее, тем более эффективно»³⁸. Игнатев замечает, что результаты такой пропаганды «уже сказываются»³⁹.

---

³⁸ Слепухин Ю. Ничего кроме надежды. С. 812.

³⁹ Там же. С. 813.

Необходимо подчеркнуть, что процесс расчеловечивания человека под влиянием пропаганды (озверевшие детки из группы «Адам» идею расового превосходства усвоили в школе) показан в романе Дж. Литтелла как всеобщий, независимо от возраста и статуса людей, испытывающих ее воздействие. Пропаганда одинаково преступно влияет на всех — и на детей, и на взрослых; пропагандистское искажение мира, подмена понятий справедливости, истины, добра соображениями полезности тоталитаризму — это способ выживания тоталитарного режима. Но именно дети оказываются наименее защищенными от влияния пропаганды, и растление детей преступными идеями — особенно страшное преступление. Подводя нравственные итоги войны, разоблачая нацистскую тоталитарную идеологию, писатели-гуманисты Ю. Слепухин и Дж. Литтелл вводят в своих романах на одном и том же хронологическом промежутке развития действия — накануне падения Третьего рейха — сходные по содержанию и по силе художественного воздействия эпизоды, показывающие дезориентированных, ожесточенных, не умеющих отличать ложь от правды, действительность от игры детей — жертв нацистской пропаганды, при этом являющимися чудовищно опасными проводниками ее идей и исполнителями приказов. Опасными потому, что, кроме этих идей, они ничем не владеют, а сами идеи существуют для них как прямое руководство к действию, не абстрактная философия, как прямой приказ, не подлежащий сомнению.

Романы Ю. Слепухина и Дж. Литтелла, несмотря на различия в авторских способах создания образов и в принципах художественного обобщения, объединяет гуманистическая позиция писателей, которые измеряют результат глобальных исторических событий исключительно мерой их человечности.

